

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОКИ В МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

ECONOMIC SHOCKS IN THE MACROECONOMIC THEORY: METHODOLOGICAL DETERMINISM

I. Kalinkova

Annotation

Current paper performs a brief theoretical review of economic shocks, both temporary and permanent, following deterministic principles of the framework of categories and concepts. A special focus was made upon few aspects of aggregated supply, demand and economic policy shock's interaction with economic fluctuations problem that, finally, presented in charts. Besides, widely represented empirical data give an opportunity to assess shocks problem significance in the context of effective developed economies macroeconomic paradigm.

Keywords: aggregated supply shock, aggregated demand shock, economic policy shock, fluctuations, liquidity trap, quantity easing policy, recession, targeting, negative interest rates.

Калинкова Ирина Юрьевна

Аспирант

Киевского Национального Университета

им. Т.Шевченка, Украина, г.Киев

Аннотация

В данной статье сделан краткий теоретический обзор экономических шоков, как временных, так и перманентных, следуя принципам категориального детерминизма. Особое внимание уделяется аспектам взаимосвязи совокупных шоков предложения, спроса и экономической политики с проблемой волнообразных колебаний в экономике, представленной графически. Кроме того, широко представленный эмпирический материал дает возможность оценить значимость проблемы экономических шоков в контексте действующей макроэкономической парадигмы развитых экономик.

Ключевые слова:

Шок совокупного предложения, шок совокупного спроса, шок экономической политики, волнообразные колебания, ловушка ликвидности, политика количественного смягчения, рецессия, таргетирование, отрицательные процентные ставки.

Экономический шок – полипредметное явление, сущностно отражаемое, главным образом, относительно наличия и значимости последствий для экономической системы при отсутствии каких либо ограничений в характере причин или среды происхождения. В современной экономической теории подобная среда, скорее всего, будет отнесена к экономическим отношениям, не принадлежа к ней непосредственно.

Так, экономические шоки, или "шоки значимых экономических последствий" (критерий значимости четко не определен) лишены единой природы происхождения. Таким образом, динамику их происхождения можно проследить лишь в частном, единичном, порядке, в то время, как на макроуровне она приобретает, до известной степени, случайный характер.

Например, если экономический шок относиться к прогрессу продуктивных сил, то множество таких шоков на определенном временном промежутке должно образовывать экспоненту. Если бы речь шла об экономических шоках, ставших следствием природных биоэволюций, то их совокупность описывалась бы "повторяющейся циклоидой биологического развития" [1].

Наконец, если речь идет об экономических шоках поведенческого характера, то имеем дело с шоками, услов-

но говоря, второго порядка, так как поведение экономического субъекта вызвано, как правило, предыдущими социо-экономическими или природными изменениями. Таким образом, рассматривая жизнедеятельность экономической системы в определенном временном промежутке, сталкиваемся с проблемой поливариантной природы экономических шоков. Соответственно, если они способны модифицировать условно циклическое экономическое различие, то, до определенной степени, лишь хаотично и случайно. В результате, получаем динамику экономических шоков, возникающую время от времени в виде толчков – отдельных отклонений переменных от референтного (контрольного) уровня.

Практика последних десятилетий побуждает экономическую теорию все больше внимания уделять проблеме экономических колебаний или флуктуаций, непременной составляющей которой является вопрос экономических шоков, их природы, характера распространения и способов смягчения непосредственных последствий для социально-экономической среды. В условиях прогрессирующей неопределенности дальнейшего развития капиталистических экономических систем, роль и место экономических шоков четко не определено. Более того, очевидно, что они имеют склонность возникать как на объективных рыночных, так и на субъективных, или искусственных, основаниях на микро-, мезо- и макроэко-

номическом уровнях.

Благодаря своей природе, экономические шоки являются слабо предугадываемым социально-экономическим явлением, актуальность которого возрастает вместе с ускорением реализации экономических отношений, информационным прогрессом, приматом кредитно-финансовых структур и распространением прецедентов нерыночных механизмов административного принятия управленческих решений (американская, европейская, отечественная практики), во многом "усовершенствованных и дифференцированных" относительно классических кейнсианских представлений. Так, посткризисные события (2009–2012) во многом свидетельствуют в пользу некой гиперболизации идеи формирования и поддержания, так называемого, эффе́ктивного спроса (программы количественного смягчения ФРС (QE1, QE2, QE3)), руководствуясь механизмами процентного регулирования стоимости денег, накапливая, при этом, долговое бремя и увеличивая фиктивную стоимость реальных и финансовых активов; результат – появление "ликвидной ловушки" (см. – комментарии П.Кругмана [2], актуализация идей С.Гезеля [3], теоретические попытки введения отрицательных процентных ставок [4] и т.д.).

Синергетический эффект от вышеприведенных особенностей какой-либо современной экономической системы неминуемо имеет своим последствием распространение, так называемых, экономических шоков, которые, в свою очередь, возникают в разнообразных плоскостях такой системы отношений.

Следовательно, экономические шоки возникают как из рыночного механизма уравнивания спроса и предложения, так и из более сложной среды экономической политики. Это означает, что экономическим шоком можно считать, например, стремительное падение мирового уровня нефтяных цен, либо изменение инфляционных ожиданий населения, либо очередной запуск политики количественного смягчения и т.д. Кроме того, несистемность экономических шоков усугубляется невозможностью экономической системы весьма четко определить их последствия: масштабы распространения, силу поражения, уникальные особенности протекания в зависимости от конкретных социально-экономических условий.

Связывая проблему экономических шоков с флуктуациями или экономическими колебаниями (мы с осторожностью используем категорию "экономический цикл"), возникает двойственное отношение: шок – флуктуация и флуктуация – шок. Это, в свою очередь, означает, что экономические шоки могут, как сами инициировать (наиболее сильные шоки), или способствовать, волнообразной динамике развития экономической системы, так и быть результатом экономических колебаний предыдущих периодов, создавая, в итоге, замкнутую систему волнообразных изменений экономических отношений.

Изучая экономические шоки, неизбежно возникает

вопрос: какие из них являются наиболее влиятельными и как подобное влияние оценить? Скажем, можно ли считать, что наибольшее поражение экономической системе могут нанести информационные и сырьевые шоки, опираясь на тот факт, что наиболее капитализированными ТНК мира являются Apple и Exxon Mobil, за которыми по данным FT Global 500 June 2012 [5] идут PetroChina и Microsoft? Ответ негативный. Или, можно ли, базируясь на особенностях распространения кредитных отношений, утверждать, что наиболее влиятельными являются фондовые шоки? Ответ также негативный. В целом, любой вид экономических шоков может принимать произвольное место в диапазоне влиятельности и значимости в зависимости от конкретной социально-экономической системы в конкретный период времени с учетом множества вторичных факторов, образуемая, таким образом, круг отношений, последствия и перспективы которых предвзрительно можно оценить лишь с невысокой вероятностью.

Отметим, что не стоит отождествлять, либо прямо ассоциировать вопрос экономических шоков с известной фридменовской "шоковой доктриной". Как указывает Наоми Кляйн в работе "Шоковая доктрина" (2007 г.) [6], подобный свод правил для современной гипермобильной глобальной экономики отражает "ключевой тактический постулат капитализма": "только кризис – реальный либо условный – приводит к настоящим изменениям" [6], следовательно, пропагандируя поиск "возможностей" неожиданного и, желательно, масштабного социально-экономического или природного стресса. Подобные примеры можно рассматривать как частный пример экономических шоков, однако весьма ограничено.

Еще одним вопросом является мера проникновения, а, следовательно, сила распространения экономического шока в системе. Так, скажем, мера поражения реального сектора вследствие наступления финансовых шоков может значительно варьировать в зависимости от преобладающего источника жизнедеятельности финансового рынка, а также, скажем, от степени перераспределения промышленного производства страны-ядра в пользу, так называемой, периферии, а, следовательно, степени импортозависимости страны и промышленной структуры экономики как таковой. Опираясь на исследования М.Хазина, заметим, что данная проблема касается, в том числе, наиболее развитых капиталистических экономик. В свою очередь, "обслуживающие" индустриальные зоны, вынесенные за границы территории преобладающего потребления, также находятся под давлением смежных и качественно новых, глобальных и локальных влияний и, наконец, экономических шоков. Таким образом, степень влиятельности экономических шоков можно определить за неким условным (а, быть может, и количественным) "коэффициентом проникновения" в социально-экономическую среду.

Проблема экономических шоков является более мас-

штабной нежели может показаться при поверхностном анализе. На основе эмпирико-индуктивных исследований в экономической теории изучается ряд экономических шоков, классификация которых вызывает определенные методологические трудности. Пренебрегая принципом сопоставимости понятий по экономическому смыслу, можно перечислить такие виды экономических шоков, как: шоки спроса, предложения, экономической политики, финансовые, монетарные (денежного предложения), цен активов, процентные, кредитные, банковские, долговые, налоговые (фискальные), платежные, нефтяные (и другие сырьевые), ликвидности, фондовые и др. Однако, изучение шоков таким способом является недопустимым, хоть и встречается в некоторых литературных источниках.

Чтобы избежать методологических ошибок, оттолкнемся от теории экономических циклов и взглядов двух основных экономических школ XX ст. – кейнсианской (в том числе и ее модификации в виде некейнсианства) и монетаристской (в частности, как последователей неоклассического направления), которые с разных позиций изучали одни и те же экономические явления и процессы.

Итак, изучение экономических шоков находит отражение в исследовании колебаний деловой активности – теории экономических циклов. Ранее указывалось на заметную неопределенность категориального аппарата в сфере изучения экономических колебаний. Так, согласно прежним выводам, следует подчеркнуть отсутствие строгости в формулировке понятий цикла и циклического развития, а также необходимость, в дальнейшем, фокусироваться на анализе экономических колебаний как таковых при отсутствии непосредственно циклических свойств.

Действительно, при моделировании шокового поведения макроэкономических переменных следует анализировать два типа свойства: 1) поведение модели в ответ на временный неожиданный шок до возвращения экономики в первичное равновесное состояние; 2) ответные реакции модели на перманентные шоки, нарушающие равновесное состояние (в данном случае исследуется как природа нового равновесного состояния, так и переход к нему). Большинство шоков, с которыми приходится иметь дело при прогнозировании, возникают по экзогенным причинам, которые влияют на краткосрочную и среднесрочную динамику экономического развития [7]. Зато, перманентные шоки, изменяющие равновесное состояние модели, характеризуются как комплексные, по сравнению с временными шоками, и, таким образом, предоставляют больше информации о поведении модели.

Причем, справедливо считать, что кейнсианцы избрали за основу своих исследований шоки спроса, принимая инвестиционные издержки как основной источник импульсов (шоков), которые вызывают усиленную рыночную

волатильность. Эти позиции, предложенные еще Дж.М.Кейнсом, развиваются и по сегодняшний день. В частности, следует обратиться к трудам А.Блайндера, Г.Менкью, Дж.Акерлофа, которые, оставаясь на принципиальных позициях кейнсианства, концентрируют усилия на микроэкономических явлениях. Предполагая, что экономический цикл возникает под давлением шоков спроса, эти ученые желают определить, какие именно факторы препятствуют быстрой адаптации фирм к изменениям ситуации и восстановлению равновесия [8].

Однако, изменения социально-экономических условий приводят к необходимости пересмотра ранее изобранных аргументов. Так, согласно выводам С.Фишера, О.Бланшарда и Р.Шмалензи, стагфляционные тенденции 70–80-х годов стали объективной причиной для пересмотра кейнсианских положений. В частности, тогда экономическая нестабильность была объяснена серией шоков предложения, или ценовых шоков, которые сдвинули кривую Филипса вправо вверх. Следовательно, с 30-х годов и до конца 60-х предполагалось, что изменения объемов выпуска продукции и цен в экономике вызывались смещениями кривой совокупного спроса – изменениями денежной и фискальной политики (включая войны в качестве фискальных экспансий) и инвестиционного спроса. Однако, предмет макроэкономического анализа в 70-х годах представляли преимущественно шоки предложения [9].

С точки зрения экономической политики, как источника экономических шоков с одной стороны, и как механизма их поглощения и сглаживания с другой, экономические шоки выступают базовым объектом изучения. Как отмечал авторитетный сторонник монетарной концепции К.Бруннер, согласно кейнсианским взглядам, экономические процессы склонны к шокам, а экономическая система в целом характеризуется нестабильностью. Способ противостояния этим явлениям – активная макроэкономическая политика. Монетаризм, напротив, исходит из того, что экономические процессы способны абсорбировать шоки, а экономика в целом – стабильна.

Поглощение шоков проявляется по К.Бруннеру в непосредственном влиянии роста денежной массы на цены. Подчеркивается, что динамика изменения количества денег в обороте не влияет на реальные экономические показатели. Считается, что существует природный уровень производства, который не может быть произвольно увеличен путем увеличения денежного предложения. По мнению К.Бруннера, в монетаристском анализе принимаются во внимание не только устойчивые технологии производства, но также институциональная организация и структура прав собственности. Эти ограничения призваны подчеркнуть трудности в реализации структурных смещений, которые могли бы происходить под влиянием увеличения денежной массы.

Подобные теоретические выводы ученого следует

проанализировать на примере монетарной политики 2009–2012 годов в США, а именно широко известные Меры количественного смягчения (Quantity Easing Policy). Действительно, макроэкономическая статистика показывает, что эффективность подобных мер уменьшается с каждым последующим денежным вливанием. Так, первое количественное смягчение дало возможность банковской системе реабилитироваться, целью второго вливания было оживление рынка и восстановление уровня совокупного потребления, тогда как за два года "действия" данной программы показатели безработицы на рынке труда США лишь ухудшились (абсолютные показатели уменьшились, а незначительное улучшение относительных стало возможным лишь из-за увеличение массы "безнадежно неработающих американцев", которые перестали претендовать на государственное пособие и неизбежно усиливают социальную напряженность в стране). Внедрение третьего этапа количественного смягчения осенью 2012 года претендует на восстановление промышленных показателей и рынка труда (действуя параллельно с государственной программой Twist [10] – перевыпуска коротких заимствований в долгие), тогда как оптимистический прогноз экспертов заключается в нейтральном эффекте, а реальный – в обесценении доллара, усугублении ликвидной ловушки (возможности перехода на беспрецедентное таргетирование процентных ставок, а именно их отрицательные значения по Treasuries), необходимости деконсервации нефтяных и газовых запасов США, дальнейшее снижение производительности (общемировой тренд) и т.п.

Следуя предыдущим методологическим поискам, следует заметить, что проблема поглощения последствий шоков экономической системой можно дополнительно отразить при помощи подхода новых классиков – "идеи немедленного очищения рынков" и принципа оптимизации в макроэкономическом анализе (и как следствие – концепции рациональных ожиданий). Предполагается, что субъекты, которые максимизируют полезность или прибыль, быстро реагируют на разнообразные "внешние шоки" и добиваются оптимальной для себя ситуации. Это и есть та ситуация, при которой рынки расчищены, а следовательно, находятся в равновесии. С точки зрения новых классиков, неравновесное положение рынков не совместимо с оптимизацией поведения хозяйственных субъектов.

Таким образом, на данный момент достоверно известно, что существуют шоки спроса, предложения и экономической политики, которые, в свою очередь, включают все остальные. Кроме того, каждый из экономических шоков может отдельно изучаться с точки зрения поведенческой теории. Для обобщения такой позиции следует сформулировать дефиниции для выше перечисленных видов экономических шоков.

В классическом учебнике по макроэкономике Р.Дорнбуша и С.Фишера указано: "Шоки предложения –

это нарушения в экономике, основным следствием которых является смещение кривой предложения" [9]. Графически шок предложения можно изобразить следующим образом (см. Рис.1).

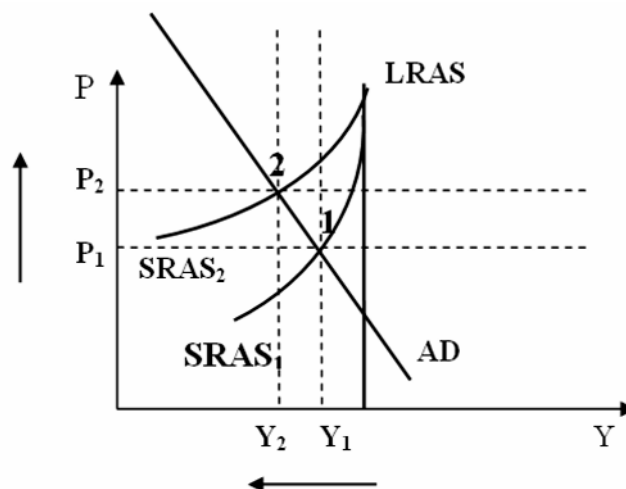

Рис. 1. Шок совокупного предложения

На графике наблюдаем сумму негативных последствий в результате типичного шока предложения, а именно смещение кривой краткосрочного предложения вверх и влево, что, следовательно, означает сокращение национального дохода (ось абсцисс) от Y_1 до Y_2 и повышение общего уровня цен (ось ординат) от P_1 до P_2 . Так, образуется новая точка равновесия E_2 .

Преимущественно свои исследования учение основывали на эмпирических данных по нефтяным шокам 1973–1974, 1979–1980 годов (как шоков негативного влияния на экономику) и позитивным смещениям в предложении в середине 80-х годов.

Шоки предложения обусловлены резкими скачками цен на ресурсы (ценовые шоки, например нефтяной шок), распространением деятельности профсоюзов, изменениями в законодательстве, значительным ростом издержек на экологию, стихийными бедствиями, приводящими к потере части ресурсов экономики и возможному уменьшению потенциала.

При помощи модели AD–AS можно иллюстрировать влияние шоков совокупного спроса и совокупного предложения на экономику, как это было показано выше, а также последствия стабилизационной политики государства, направленной на смягчение колебаний, вызванных шоками, а также восстановление равновесного объема производства и занятости на прежнем уровне.

В частности, имплементируя Рис.1 в систему графиков Рис.2, легко проследить его совместимость с волнообразными колебаниями. Так, первый график повторяет шок предложения со смещением от точки 1 к точке 2

Далее, данное смещение проектируется на производственную функцию, сигнализируя о соответствующем

сокращении в предложении труда в экономической системе, которая испытала значительный экономический шок. Кроме того, опосредуя связь шока при помощи со- рока пяти градусного луча имеем проекцию на "эконо-

ческий цикл", а именно стадию рецессии, вызванную не- гативным шоком (стадия отмечена заштрихованной зо- ной и переходом от точки 1 к точке 2), за первый $(t_2 - t_1)$ период.

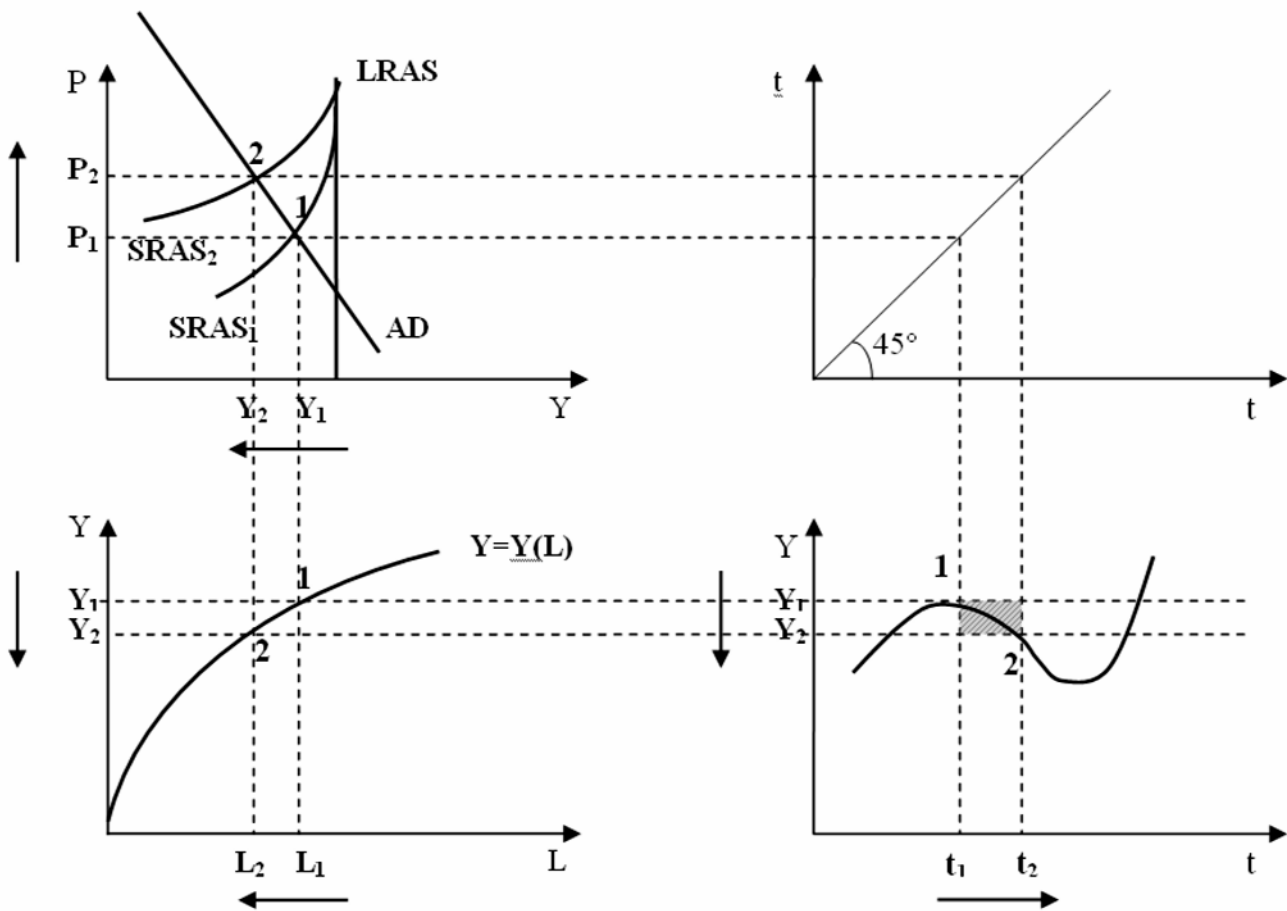

Рис. 2. Взаимосвязь шока совокупного предложения и волнообразных колебаний в экономике

В западной литературе шоки спроса идентифициру- ются как неожиданные события, которые временно по- вышают или сокращают спрос на товары и услуги. Неза- висимо от того, является ли шок позитивным или нега- тивным, он будет влиять на уровень цен. Так, когда спрос на товары выше, цены также имеют тенденцию к росту, следуя из чего, произойдет смещение кривой совокупно- го спроса вправо и вверх и наоборот.

Данный вид шоков может появляться вследствие со- кращения или увеличения налогов, расширение или су- жения денежного предложения, возрастания или сокра- щения государственных трат, улучшения или ухудшения рыночных ожиданий и т.д. Например, уменьшение нало- гового давления сокращает долю денег, которую налого- плательщики вынуждены перераспределить в пользу го- сударства, а также освобождает от обязательств сред- ства для индивидуальных трат. Эти деньги в будущем ис- пользуются данным субъектом для потребления товаров и услуг, что, соответственно, повышает их цену и вызы- вает инфляционные тенденции в экономике.

Таким образом, выявлено, что шоки со стороны спро- са возникают вследствие резкой смены предложения де- нег либо скорости их обращения, колебаний инвести- ционного спроса, изменений в налоговой политике и поли- тике государственных трат.

В свою очередь, реализация таких макроэкономичес- ких рисков приведет к ответным (негативным либо позитивным) изменениям в устоявшихся экономических свя- зях, имманентных экономической системе.

Графическое изображение для шока спроса пред- ставлено на Рис.3. Так, наблюдаем негативные послед- ствия от шока спроса, а именно сокращения совокупного спроса (от AD1 до AD2) на обесцененные фондовые бу- маги, что вызывает сокращение валовых доходов потре- бителей (от Y1 до Y2) и, в том числе, спроса на импорт.

Аналогично предыдущему примеру, имплементируем Рис.3 в систему графиков Рис.4, где легко проследить со- вместимость шока совокупного спроса с волнообразны-

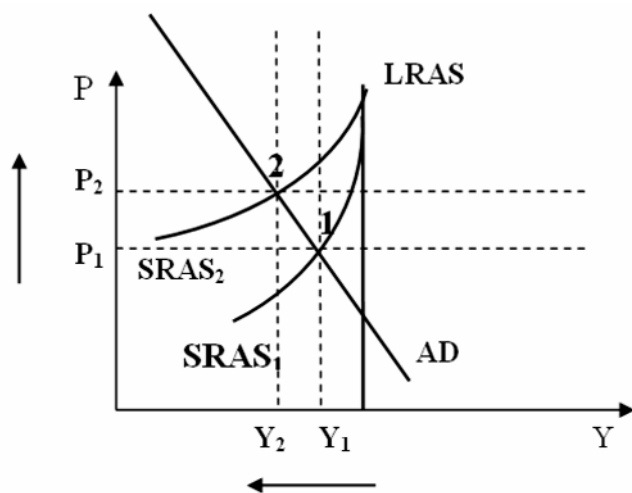

Рис. 3. Шок совокупного спроса

ми колебаниями.

Изображение шока спроса проектируется на сокращение показателя агрегированного инвестирования (смещение I_1 до I_2) и параллельный рост объемов сбережений и склонности к сбережению ($S=Y-C=-CO+(1-c')*Y=-CO+s'*Y$; $s_1' > s_2'$, угол наклона кривой S_2 – неизменный), в результате чего наблюдаем движение от точки 1 к точке 2. Кроме того, изображено сокращение в потреблении в результате уменьшения валового дохода.

Подытоживая, заметим, что четвертый график отражает корреляцию шока совокупного спроса с рецессионной стадией экономического цикла.

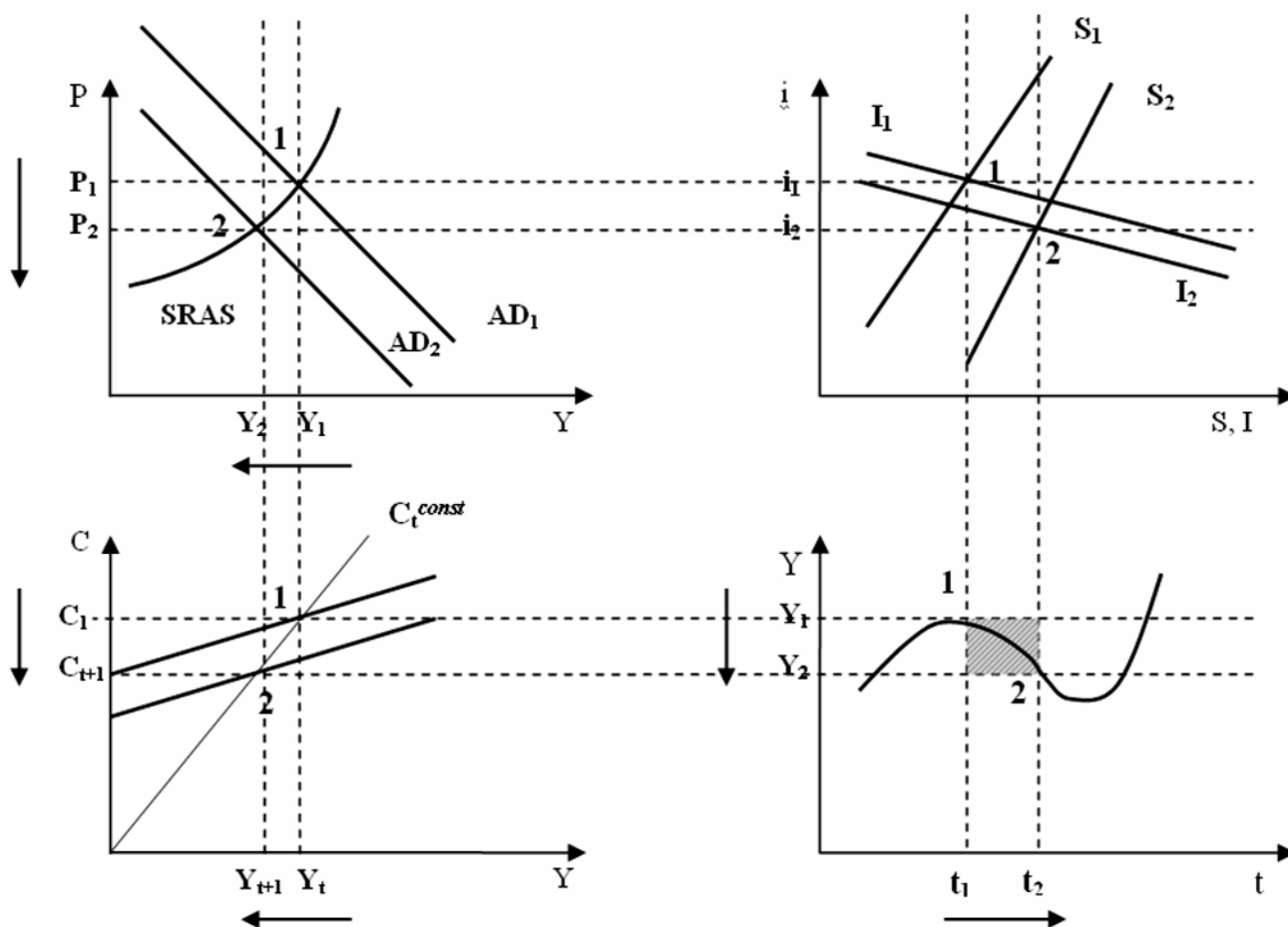

Рис. 4. Взаимосвязь шока совокупного спроса и волнообразных колебаний в экономике

Наконец, еще одна группа экономических шоков – шоки экономической политики. Данная группа экономических шоков является специфической, так как фактически она может дублировать шоки спроса с той лишь разницей, что акцентирует внимание на инструментах экономической политики, которыми могут регулироваться последствия распространения шоков – аккомодационная или противошоковая политика.

Фундаментальное исследование в данном направлении проведено специалистами МВФ А.Бэргом, Ф.Кэрамом, Д.Лэкстоном. Они разработали модель для обоснования оптимальных с позиции формирования макроэкономического равновесия противошоковых мер монетарной политики государства [11].

Данная эконометрическая модель призвана описы-

вать действия механизма монетарной трансмиссии в случае, когда условия таргетирования инфляции, инициированной определенным экономическим шоком, требуют экстремального изменения процентной ставки.

Так, эконометрическая разработка А.Бэрга, Ф.Кэрама, Д.Лэкстона произведена в контексте неокейнсианских представлений о равновесном состоянии экономики и по форме являются моделью динамического стохастического общего равновесия.

Модель предполагает рациональные ожидания и случайные шоковые колебания каждой эндогенной переменной.

Одним из примеров шоков экономической политики может быть ранее упоминаемая политика количественного смягчения, как вид аккомодационной политики, направленной на выход из рецессионной стадии, в условиях высокой степени глобальной интегрированности рынков, будучи подвидом стимулирующей (экспансионной) политики, придающей экономике импульсы ускорения*.

* Речь идет о неортодоксальной монетарной политике (unconventional monetary measures), при которой Центральный банк покупает финансовые активы с целью увеличения денежного предложения, тогда как традиционно подобные шаги производятся с целью таргетирования процентных ставок. При этом, условием использования политики количественного смягчения является минимальная (приближенная к нулю) краткосрочная процентная ставка, тогда как скупка и удорожание долгосрочных финансовых активов с уменьшающейся доходностью (за счет увеличения банковских резервов новой эмиссией), будут снижать долгосрочную процентную ставку. Кроме того, данная политика может быть использована в случаях жесткого таргетирования инфляции (либо дефляции) на заданном уровне (в заданных пределах).

Так, проблему стимулирующей монетарной политики как экономического шока можно проследить на примере Великобритании, когда за период с марта 2009 по январь 2012 было куплено финансовых активов на сумму 200 млрд. фунтов стерлингов, что составило около 14% годового ВВП страны. При этом, очевидно, что ситуация приближения процентной ставки к нулю и невозможность дальнейшего ее снижения нашли свое отражение в теории макроэкономики как "ловушка ликвидности", послужившей основой для графика Рис.5.

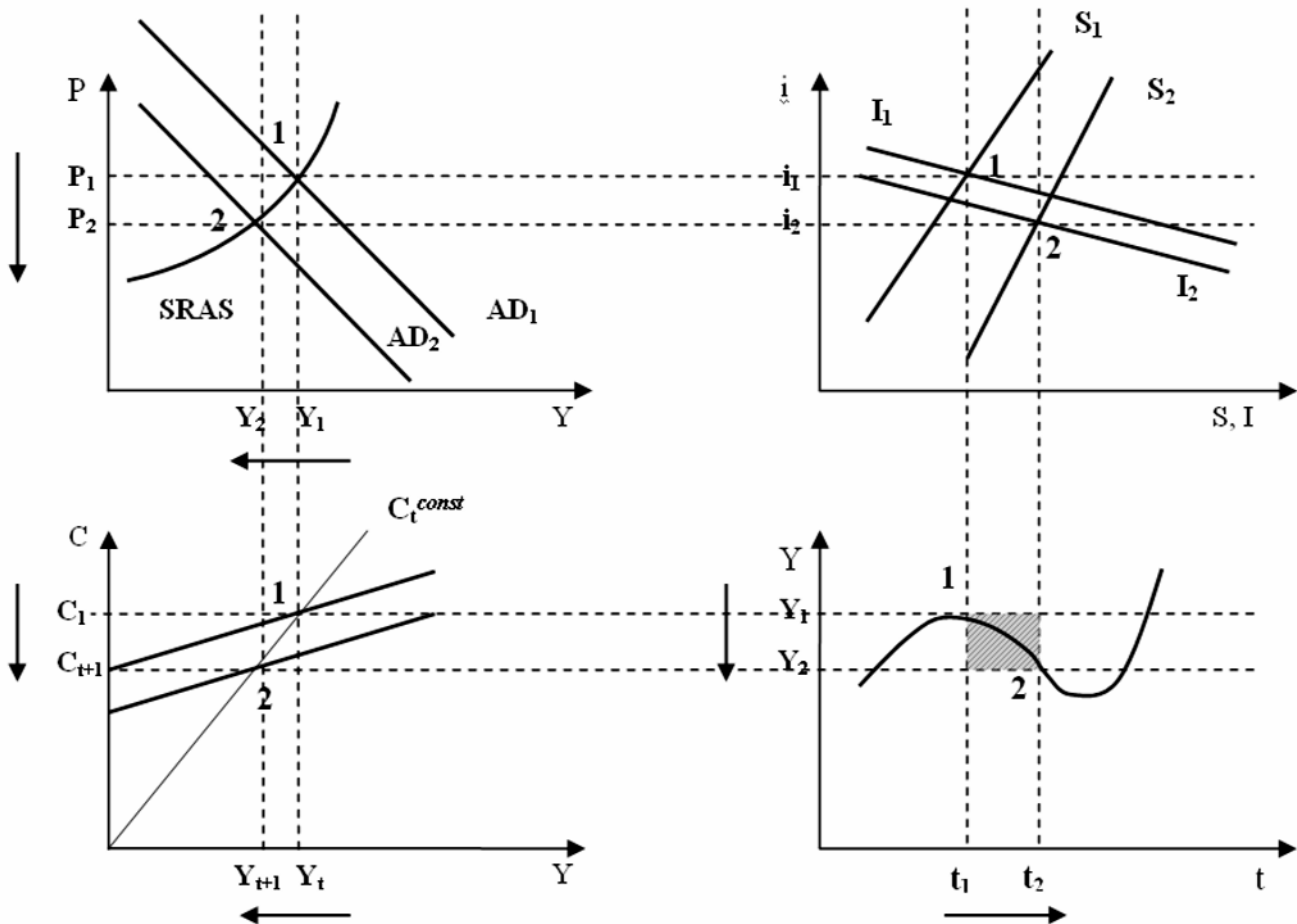

Рис. 5. Взаимосвязь шока экономической политики и волнообразных колебаний в экономике. Ловушка ликвидности

Пользуясь данным графиком, можно проследить трансмиссию политики количественного смягчения, представленную разными каналами, в результате чего произойдут изменения в расходах (или совокупном спросе) и уровне инфляции и инфляционных ожиданий. На графике данная проблема представлена смещением кривой AD вверх и вправо, а также соответствующим ростом уровня цен (от P_1 до P_2).

В частности, первые два графика демонстрируют ловушку ликвидности, когда процентная ставка $i = \text{const}$ находится на неизменно низком уровне и не зависит от увеличения денежного предложения. Следовательно, проектируем произвольный объем денежных вливаний на смещение AD – шок спроса, и наблюдаем восходящую стадию делового цикла.

Так, скупка финансовых активов средствами Центрального банка должна, в первую очередь, способствовать увеличению денежных вкладов, увеличению цен ак-

тивов, а также стимулированию расходов (через удешевление долгов) и росту благосостояния. Политика количественного смягчения может совершать масштабное стимулирующее влияние на ожидания и банковскую долговую политику.

Следовательно, нами был совершен короткий анализ шоков совокупного спроса, предложения и экономической политики, а также продемонстрировано наличие непосредственной связи данных шоков с волнообразным движением экономики. Кроме того, приходим к выводу, что действуя в пределах гиперболизированной кейнсианской программы, мировой эмитент резервной валютной массы (США) на данном рецессионном этапе экономического развития демонстрирует негативные признаки, ранее указанные именно монетаристами, а именно – неэффективность неограниченного денежного стимулирования в повышении промышленной производительности, уменьшении безработицы и регулировании фиктивных потребительских настроений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. / Гумилев Л.Н. – М.: Айрис-пресс, 2009. 384с.
2. Krugman, Paul R. End this depression now! / Paul Krugman. – 1st ed., N.Y.: W.W. Norton&Company, Inc. 2012. 259p.
3. Гезель Сильвио. Естественный Экономический порядок. 1916. URL: <http://www.biz-spros.ru/gesell.html>
4. Janet L.Yellen. Perspectives on Monetary Policy / Boston Economic Club Diner. Boston. Massachusetts: Federal Reserve Bank of Boston. June 6, 2012. 38 p.
5. FT Global 500 June 2012. Prices and market values at 29 June 2012: URL: <http://www.ft.com/intl/cms/de0a839a-d1cb-11e1-bb82-00144feabdc0.pdf>
6. Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism // Metropolitan Books.– 2008. –720p
7. Монетарний трансмісійний механізм в Україні: Науково-аналітичні матеріали. Вип.9 / В.І.Міщенко, О.І.Петрик, А.В. Сомик, Р.С.Лисенко та ін.– К.: Національний банк України. Центр наукових досліджень, 2008. – С.81
8. Воронин А., Вовк В. Современный взгляд на кейнсианскую модель экономического цикла. "Экономика Украины" №3, 2009, С. 58–59.
9. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ : ИНФРА – М, 1997. – С.482
10. Твистуют все! ФРС США включилась в предвыборную гонку на стороне Барака Обамы // Финансовая газета, от 14.09.2012. (URL: <http://fingazeta.ru/scenarios-and-forecasts/tvistuyut-vse-179364/>)
11. Berg A., Karam Ph., Laxton D. A Practical Model-Based Approach to Monetary Policy Analysis – Overview. – IMF Working Papers. – WP/06/80. – International Monetary Fund, Washington, March 2006. – P. 1–45

© И.Ю. Калинкова, (i.kalinkova@gmail.com), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru
АСЭР
 ГРУПП

**Государственное регулирование
 недропользования**
 27-28 ноября 2012, Москва
 отель "Арагат Парк Хаятт Москва"

ГК Агентство Социально-
 Экономического Развития
 тел: (495) 971-5681
<http://www.asergroup.ru>